

КОНЦЕПТ ТОСКА В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА

У Ли

Аспирант, Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова
wuli35@yeah.net

THE CONCEPT TOSKA IN CHINESE AND RUSSIAN POETIC WORLDVIEWS

Wu Li

Summary: This article is devoted to the analysis of the concept MELANCHOLY, or TOSKA in Russian, occupying a key place in Russian and Chinese linguoculture. Having briefly considered the terminological apparatus of linguocultural studies, including, first, such notions as “linguistic picture of the world” and “concept”, the author of the article focuses on the poetic picture of the world. Having defined the essence and features of the relationship between the poetic picture of the world and the concept, which is part of the mental space of the linguistic picture of the world, the author turns to the concept TOSKA and on the material of Russian and Chinese poetry shows the common and differential features of this concept in the Russian and Chinese linguistic pictures of the world. The article concludes that, although the concept TOSKA occupies a certain place in the national language systems of both languages, these concepts in the Chinese and Russian languages are not identical, although, in relation to the language of poetry, and have some common features.

Keywords: linguistic picture of the world, poetic picture of the world, concept, TOSKA concept, lexico-semantic field.

Аннотация: Данная статья посвящена анализу концепта ТОСКА, который занимает ключевое место в русской и китайской лингвокультуре. Рассмотрев кратко терминологический аппарат лингвокультурологических исследований, включающий, в первую очередь, такие понятия, как «языковая картина мира» и «концепт», автор статьи фокусирует внимание на поэтической картине мира. Определив сущность и особенности взаимосвязи поэтической картины мира и концепта, являющегося частью ментального пространства языковой картины мира, автор переходит к концепту ТОСКА и на материале русской и китайской поэзии показывает общие и дифференциальные черты данного концепта в русской и китайской языковых картинах мира. В статье делается вывод, что, хотя концепт ТОСКА и занимает определенное место в национальных языковых системах обоих языков, данные концепты в китайском и русском языках не тождественны, хотя, применительно к языку поэзии, и имеют некоторые общие черты.

Ключевые слова: языковая картина мира, поэтическая картина мира, концепт, концепт ТОСКА, лексико-семантическое поле.

На рубеже XX–XXI веков в российских лингвистических исследованиях стало уделяться огромное внимание изучению языковой картины мира, которая, благодаря стараниям таких ученых как В.И. Поствалова, Б.А. Серебрянников, И.А. Стернин, В.А. Маслова, М.М. Маковский, Г.А. Брутян и др., была осмыслена с разных позиций. Определенная часть научных работ затрагивает соотношение языковой и поэтической картин мира, что помогает широко раскрыть концептуальные идеи творчества мастеров художественного слова.

Языковой картиной мира (ЯКМ) Ю.С. Степанов называет сознательное представление индивида или всего лингвокультурного сообщества (нации, народности) о фактах его культурного наследия, что отражается в национальном языке [13, с. 587]. Учитывая такое определение, О.А. Корнилов вводит термин «национальная языковая картина мира» (НЯКМ), под которой понимает «запечатленное в лексике соответствующего языка национально-специфическое видение реального мира» [5, с. 140], в которое включает как его материальные объекты, так и духовные ценности. Данный исследователь утверждает, что национально - языковых картин мира ровно столько, сколько и языков, являющихся «сокро-

вищницами» знаний, полученных языковым коллективом в результате многовековой эволюции [5].

Языковая картина мира, как отражено в дефиниции, данной Ю.С. Степановым может носить индивидуальный и коллективный характер. Коллективная картина мира запечатлена, как правильно, в фольклоре — пословицах, поговорках, песнях, сказках, былинах, легендах. Что касается индивидуальной (индивидуально-авторской) картины мира, то она представлена в художественном творчестве писателей, являющихся членами того или иного национального коллектива и пропускающих факты национальной культуры через свое, индивидуально-личностное, сознание.

Разновидностью художественной картины мира является поэтическая картина мира, представляющая собой отображение поэтом иной реальности, сконструированной сквозь призму его языкового сознания поэта и являющейся результатом его духовной активности. Поэтическая картина мира — это альтернатива реальной модели мира, выражающая субъективное отношение автора поэтических строк к объективной действительности [9, с. 8].

В процессе изучения языковой, в том числе и поэтической, картины мира исследуются характерные не только для определенного языка, но и для народа в целом, «ключевые» концепты, имеющие лингвокультурологическую специфику. «Ключевыми» они называются потому, что открывают «ключ» к пониманию культуры народа или отдельного его представителя [7, с. 250].

Концепт, как его определяет В.А. Маслова, есть «оперативная содержательная единица историко-культурной памяти», отражающая часть картины мира, и возникающая под воздействием «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [8, с. 45]. С точки зрения В.И. Карасика, концепт — это единица культуры, фиксирующая коллективный опыт народа, но при определенных условиях имеющая возможность стать достоянием индивида [3, с. 97].

Особое внимание исследователи, занимающиеся изучением поэтической картины мира, уделяют анализу эмоциональных концептов, отражающих не столько понятийный аппарат культурно маркированных предметов и явлений, сколько чувства и переживания автора, его внутренний мир.

Одним из наиболее значимых эмоциональных концептов в русской и китайской поэтических картинах мира является концепт ТОСКА, хотя следует сделать одно маленькое замечание: русский концепт ТОСКА и китайский концепт 愁 (chóu) не тождественны, хотя в определенных плоскостях и перекликаются.

Согласно значениям одного и толковых словарей в русском языке тоской называют:

- неприятное чувство, которое испытывает человек, когда сожалеет о каком-то плохом событии, которое уже случилось или постоянно думает о чем-либо неблагоприятном, что может случиться в будущем (в данном назначении тоска как чувство, как эмоция сопровождается эпитетами *непереносимая, острая, жуткая, щемящая, жгучая, странная, непонятная, смертельная, одинокая, давящая* и т.п.);
- чувство, когда кто-либо испытывает грусть, вспоминая те или иные прошедшие события, которые не повторятся, или места, куда трудно или невозможно вернуться (в этом случае тоска может быть *по дому, по детству, по родине, по старым добрым временам*);
- эмоцию, сопровождающую чувство любви (*испытывать тоску, чахнуть от тоски по ком-либо* — значит жаждать увидеть предмет своей любви несмотря на то, что последний очень далеко);

- чувство сильной скуки от того, что человек ничем не интересуется в жизни или потому что в окружающем его мире не происходит ничего для него (такого рода тоска может быть *зеленая, черная, смертная*) [11, с. 1170].

Важным концептуальным признаком русского концепта ТОСКА, нашедшего преломление в поэтической картине мира, является указание на предельную степень проявления чувств, что находит отражение в сочетании лексемы *тоска* с эпитетами, отмеченными нами выше.

В качестве аналога русского слова *тоска* в китайском языке выступает иероглиф 愁 (chóu) (в большинстве случаев русская тоска так и переводится на китайский язык). Однако, семантические возможности китайской номинации данного чувства намного уже.

В двуязычных китайско-русских словарях иероглиф 愁(chóu) переводится следующим образом: I. сущ. тоска, грусть, печаль, беспокойство. II. гл. грустить, тосковать, печалиться, кручиниться, беспокоиться, тревожиться. III. прил./наречие а) тоскливый, скорбный, печальный, подавленный; печально, в скорби; б) тяжелый, серый, бесцветный, непроглядный [6, с. 779-780]. Иными словами, весь спектр эмоций человека, смотрящего на окружающий мир в темных тонах и не ощущающего «красок жизни», запечатлен в данном иероглифе. Там, где в русском языке оттенки данной эмоции передаются различными номинациями, в китайском языке стоит иероглиф 愁 (chóu). Более того, как мы уже отметили иероглиф 愁 (chóu), может обозначать разные части речи, хотя чаще всего он функционирует в именной функции.

Теперь коснемся особенностей вербализации концепта тоска в русской и китайской поэтической картине мира.

Для русского поэта тоска — это пограничное состояние, в котором он переживает состояние между позитивными и негативными эмоциями. При этом такое состояние «может быть неопределенным и протяженным во времени, а также не иметь подлинной цели и желаний, которые могут быть ложными» [15, с. 249]. Но, как отмечает М.М. Чин-Шу-Лан, «принципиальным отличием русской тоски в национальном ее понимании является свойственный ей возвышенный одухотворенный характер» [15, с. 249]. Только в русском поэтическом дискурсе *тоска несмотря на то, что* относится к негативным эмоциям, может быть *светлой*: «*И ждет, и верит светлая тоска; / И бьется сердце сладко-подневозльно, / Как сжатая теснинами река*» (В. Иванов) [10].

Именно возвышением над обыденностью, нередко являясь источником для переоценки ценностей и творческих сил, тоска отличается от скуки, уныния и других

эмоций «тоскливого» спектра: *«Всё расхищено, предано, продано, / Чёрной смерти мелькало крыло, / Всё голодной тоскою изглодано, / Отчего же нам стало светло?»* (А. Ахматова) [10].

Концепт ТОСКА в русской поэзии предельно метафоричен. Тоска зачастую выступает как живой организм, с которым поэт живёт бок о бок и считает либо своим другом, либо заклятым врагом: *«Как неусыпный червь тоска всем грызла груди»* (М.Ю. Лермонтов) [12, 509]; *«Тоска — не кролик, тоска — удав»* (Ю. Мориц) [12, 509]; *«Тоска, как нянька, спать меня уложит»* (Г.Ф. Шершеневич) [12, с. 509]; *«Кто в сердце убийцу-тоску поселил?»* (П.Г. Ободовский) [12, с. 509]; *«Уж ты, мать-тоска, горе-горева-ныще... Ты змеей ли ползешь подкожною / Ты ли бьешь с неба бурым коршуном? / Серым волком ли рыщешь по полю?»* (А. Толстой) [12, с. 510].

Следует отметить, что концепт ТОСКА в поэтическом творчестве русских художников слова представлен достаточно широко, но большое количество сочетаний с лексемой *тоска* обусловлено большим количеством индивидуально-авторских номинаций, многие из которых встречаются в единственном экземпляре. Например, *«Во мгле печальных заблуждений, / В тяжелом сне душа была, / Полна обманчивых видений; / Ее тоска сомненья жгла»* (Ю.В. Жадовская) [10].

Концепт ТОСКА очень ярко представлен в поэтическом творчестве М.И. Цветаевой. Как отмечает А.А. Казакова, «отличительной особенностью цветаевского восприятия тоски является то, что у неё это чувство приобретает и в дальнейшем сохраняет положительную оценку: *«И пусть поет, цветет тоска!»*. И если носители русского языка обычно воспринимают тоску как чувство тяжелое, мешающее, как болезнь, то в идиостиле М. Цветаевой наличие тоски, наоборот, свидетельствует об активной жизненной позиции. Поэтому языковая метафора *умереть от тоски* заменяется поэтом метафорой *сгореть от тоски*» [4, с. 126].

В китайском языке, как мы уже отмечали, тоска передается иероглифом 愁(chóu), отражающем чувство подавленности, тревоги, беспокойства. Древние китайские поэты в своих стихах пытались передать состояние тоски как отражение внутреннего мира [2, с. 208].

Если мы изучим структуру иероглифа 愁(chóu), то увидим, что он состоит из двух элементов — иероглифа 秋(qiū), означающего «осень», и иероглифа 心(xīn) - «душа». В результате печальное настроение и тоскливое состояние, семантически отраженные иероглифом 愁(chóu), получает образную трактовку – «осень в душе». Как отмечает А.А. Аксенчикова-Бирюкова, в древней китайской поэзии именно осень является символом тоски, ведь осень – это время холода, увядания, тягостных мыслей и

раздумий. Осенняя ненастная погода еще больше усугубляет гнетущую атмосферу, давит словно камень, на тревожные мысли и обостренные чувства [1]. Таким образом, понятия осени и тоски в китайской лингвокультуре взаимосвязаны, что можно продемонстрировать на примере поэтических строк китайского поэта Ду Фу (杜甫 712-770). В стихотворении «Вознесение» мы находим такие признаки осени, как улетающие в более теплые края птицы (鸟飞回 (niǎo fēi huí) - «улетают птицы»), падающие листья (无边落木萧萧下 (wú biān luò mù xiāoxiǎo xià) – «повсюду кружат листья и с шелестом падают вниз с дерева»); ветер, сметающий все на своем пути (风急 (fēng jí) – «стремительный ветер»). Но в эти осенние образы, созданные природой, «вмешивается» еще и образ животного мира – обезьяна, жалобный крик которой является символом тоски: 猿啸哀 (yuán xiào āi) – «обезьяна, стонущая/воющая от скорби/горя»). Отчего же тоска гложет сердце поэта? Осень ли в этом виновата? В следующей строке раскрывается истинная причина скорбного настроения автора. Поэт, оказывается, находится вдалеке от дома, и именно осенью обостряется у него чувство тоски по родине: 万里悲秋常作客 (wàn lǐ bēi qiū cháng zuò kè) – «за десять тысяч миль от дома, как гость, в чужом краю, смотрю с тоской на осень». Далее концепт тоски в поэтической картине мира Ду Фу расширяется: в него вводятся образы болезни, одиночества и старости: 百年多病独登台 (bǎi nián duō bìng dú dēng tái) – «болезни (病 bìng) одолевают меня всю жизнь, я одинок (独 dú), но восхожу/поднимаюсь наверх»; 艰难苦恨繁霜鬓 (jiān nán kǔ hèn fán shuāng bìn) – «от жизненных невзгод и сожалений виски мои покрылись инеем (霜 shuāng), т. е. сединой».

Как видим, концепт ТОСКА в поэтической картине мира Ду Фу представлен следующими иероглифами: 秋(qiū осень), 猿(yuán обезьяна), 悲(bēi грустный, печальный), 病(bìng болезнь), 霜(shuāng иней, образная номинация седины), 独(dú одинокий).

Тоска, согласно китайской поэтической картине мира, носит природоморфный характер. Образы цветов, деревьев, природных стихий являются репрезентантами «тоскливого» состояния души, которое может варьироваться от легкой грусти до глубокой скорби. Так, символа тоски в стихотворении Ли Бая (李白 701-762) «Думы в тихую ночь» является луна:

床前明月光, (chuáng qián míng yuè guāng) — Яркий лунный свет перед кроватью.

疑是地上霜。 (yí shì dì shàng shuāng) — Похожий на иней, селящийся по земле.

举头望明月, (jǔtóu wàng míngyuè) — Подними голову и посмотри на луну

低头思故乡。 (dītóu sī gùxiāng) — Склони голову и погрусти о родной стороне.

Последняя строчка данного четверостишия очень близка по своей семантике к светлой тоске (светлой гру-

сти), которая занимает особое место в русской классической поэзии.

Как показало наше исследование, концепт ТОСКА является одним из ключевых концептов русской и китайской национально-языковых картин мира. В обоих языках этот концепт многоаспектен и содержит всю гамму негативных чувств и эмоций, отражая мучение, боль, внутреннее переживание, тревогу, беспокойство, страдание

и т.п. Однако, если в русском языке существует много лексем, передающих разные оттенки значений понятия тоска, то в китайском языке функционирует только один иероглиф, отражающий семантику тоски как лингвокультурного феномена. В китайской поэзии компенсируется эта особенность вербализации данной негативной эмоции за счет других иероглифов, большинство из которых связаны с объектами живой и неживой природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенчикова-Бирюкова А.А. О некоторых особенностях интерпретации эмоций печали, страха и гнева при переводе стихотворений Ли Цинчжао на русский язык // Вестник МДПУ. - 2022. - № 2 (60). - С. 77–82.
2. Дун Цзюньфэй ТОСКА как ключевой концепт русской и китайской лингвокультур // Новые горизонты: сборник материалов молодежного инновационного форума. - Минск: БНТУ, 2019. - С. 207–209.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - Волгоград: Перемена, 2002. - 331 с.
4. Козакова А.А. Концепт ТОСКА в поэтическом идиолекте М. Цветаевой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. - 2014. - № 5. - С. 125–131
5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. - М.: ЧеРо, 2003. - 349 с.
6. Лэй Саньли, Шантурова Г.А. Концепт ТОСКА в русской и китайской языковых картинах мира // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: материалы международной научной конференции. - М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2018. - С. 778–781.
7. Малько Е.С. Языковая картина мира: опыт осмысления // Общество и право. - 2012. - № 2 (39). - С. 247–252.
8. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. - Минск: ТетраСистемс, 2008. - 272 с.
9. Маслова В.А. Русская языковая и поэтическая картины мира: сущность и дифференциация // Русский тест: теория и практика. - 2023. - Т. 9. - № 1. - С. 5–11.
10. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) // URL: <https://ruscorpora.ru>.
11. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю.Д. Апресяна. - М.: Языки славянской культуры, 2003. - 1488 с.
12. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII – XX веков. В 2 т. Т. 1. - М.: Эдиториал УРСС, 2007. - 848 с.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. - М.: Языки русской культуры, 2001. - 990 с.
14. Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д.В. Дмитриева. - М.: Астрель; АСТ, 2003. - 1582 с.
15. Чин-Шу-Лан М.М. Концепт ТОСКА в русской лингвокультуре // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира: материалы XI Международной студенческой научно-практической конференции. - Комсомольск-на-Амуре: Издательство Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, 2020. - С. 247–250.

© У Ли (wuli35@yeah.net).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»